

Юрий Нагибин

Рассказы о Гагарине

Издательство
«Детская литература»

Юрий Нагибин
Рассказы о Гагарине

Издательство «Детская литература»
1988

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Нагибин Ю. М.

Рассказы о Гагарине / Ю. М. Нагибин — Издательство
«Детская литература», 1988

ISBN 978-5-08-005197-5

Каким он был, Юрий Гагарин, первый космонавт планеты? Как и где прошло его детство? Как и где он учился? Как стал космонавтом? Об этом написал Юрий Нагибин (1920–1994) в своей книге «Рассказы о Гагарине». Для среднего школьного возраста.

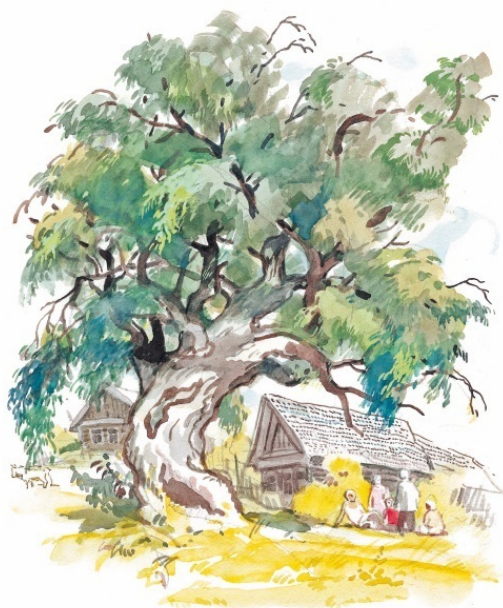
УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-005197-5

© Нагибин Ю. М., 1988
© Издательство «Детская
литература», 1988

Содержание

«Однажды шагнув в океан звёзд...»	6
В школу	7
«Жилища богатырей»	11
Холмик посреди села	18
Юрина война	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Юрий Нагибин

Рассказы о Гагарине

Художник
Геннадий Мазурин

«Однажды шагнув в океан звёзд...»

«Ещё недавно, начитавшись Жюль Верна и Майн Рида, Арсеньева и Грина, мальчишки в мечтах отправлялись в джунгли Африки, в прерии Южной Америки, на необитаемые острова и неведомые земли. Их корабли заходили во все порты, их трепали девятибалльные штормы и опрокидывали тайфуны, они налетали на коралловые рифы и гордо преодолевали встречные течения... А 4 октября 1957 года (в день запуска первого в мире искусственного спутника Земли. – *Примеч. ред.*) мальчишки всех пяти континентов подняли головы вверх и начали внимательно всматриваться в звёзды. Перед ними открывалась Вселенная. С этого дня они мечтали стать лётчиками-космонавтами», – писал Юрий Алексеевич Гагарин в статье «Вас ждёт воздушный океан», опубликованной в газете «Комсомольская правда» в 1961 году. В этот год сбылась мечта самого Гагарина стать лётчиком-космонавтом. 12 апреля 1961 года был выведен на орбиту вокруг Земли первый в мире космический корабль-спутник «Восток» с человеком на борту. Пилотом-космонавтом «Востока» был лётчик, майор Юрий Алексеевич Гагарин.

«Я видел дневные звёзды, – писал он. – Нет, не те, отражённые, что плавают в глубоких-преглубоких колодцах. Я видел дневные звёзды над головой. Они необычайно отчётливы, будто бриллиантовые бусины на чёрном бархате. Но суть не только в красоте. Там, на трёхсоткилометровой высоте, вселенские светила и впрямь видятся ближе, яснее... И эта непривычная, впервые испытанная близость к дальним мирам рождает волнующие чувства».

За последние 50 лет люди получили возможность изучать звёзды и планеты прямо из космоса. Благодаря автоматическим межпланетным станциям учёные «посетили» Луну, Венеру, Марс, узнали об особенностях этих планет. Большая научно-исследовательская работа проводилась космонавтами на борту орбитальных космических станций «Салют» и «Мир». На смену этим станциям усилиями учёных 16 стран создан многоцелевой космический исследовательский комплекс – международная космическая станция. Здесь проводятся исследования в области биологии, физики, биомедицины.

Пожалуй, трудно найти направление в науке или технике, которое не «сотрудничало» бы с космонавтикой. Например, никак нельзя себе представить, как бы работало телевидение или функционировала телефонная связь без спутниковых систем связи. Наблюдения с метеорологических спутников важны для составления метеорологических карт, они также помогают обнаруживать зарождение ураганов, тайфунов, циклонов. Наблюдения и фотографирование из космоса выявляют места, перспективные для поиска месторождений полезных ископаемых. Ещё их используют при составлении карт лесов и для выявления очагов лесных пожаров. С международной космической станции ведутся наблюдения Мирового океана.

Благодаря достижениям науки и техники мы узнали много нового о космосе и нашем месте в нём. Одним из ярчайших событий в его освоении навсегда останется полёт Юрия Гагарина. Он стал той вехой, от которой отсчитывается путь в космос. «И, однажды шагнув в океан звёзд, – писал Гагарин, – люди пойдут дальше – добывать новые знания, новые сведения, раскрывать новые тайны. Это нужно тем, кто пойдёт за нами, нужно планете, всему человечеству».

А каким он был, Юрий Гагарин, первый космонавт планеты? Как и где прошло его детство? Как и где он учился? Как он стал космонавтом? Об этом написал Юрий Нагибин в своей книге «Рассказы о Гагарине».

От редакции

В школу

Война пришла на Смоленщину. В большом селе Клушино, что под городом Гжатском, решили эвакуировать колхозное стадо. «Эвакуировать» – было новое и трудное слово, которое никому не удавалось произнести, «вкуировать» – говорили со вздохом. И всё-таки первый школьный день клушинцы обставляли торжественно. Какое бы ни свирепствовало лихо, этот день должен был остаться в памяти новобранцев учёбы добром и светом. Школу украсили зелёными ветками и написанными мелом лозунгами, ребят докрасна намыли в баньках, одели во всё новое.

Анна Тимофеевна с особой теплотой вспоминает, как снаряжала сына в школу. Она напекла ему толстых ржанных блинов и, завернув в газету, уложила вместе с тетрадками и учебниками в самодельный, обтянутый козелком ранец. Дом Гагариных находился далеко от школы, в другом конце длинной, с заворотом, сельской улицы, и Юре даже на большой перемене не успеть к домашнему обеду. Намытый, наутюженный, с расчёсанной волосок к волоску головой, он то и дело спрашивал мать:

– Ты всё положила?

– Всё, всё, сынок. Надевай-ка свою амуницию.

От волнения он никак не мог попасть в лямки ранца. Анна Тимофеевна взяла сыновью руку, такую тоненькую, хрупкую, что у неё сердце испуганно захолонуло от любви и жалости, и просунула в ременную петлю.

Юра нахлобучил фуражку и решительно шагнул за дверь.

– Не балуйся, сынок, слушайся учителей, – сказала она вдогонку.

Анна Тимофеевна вышла на улицу. Школу отсюда не видать: скрыта за церковью и погостом. На стенах церкви, кладбищенской ограде и крыльце соседствующего с храмом сельсовета наклеены плакаты войны. Анна Тимофеевна помнила их наизусть: «Смерть немецким оккупантам!», «Родина-мать зовёт!», «Будь героем!», «Ни шагу назад!». По другую руку, за околицей, с десятков сельских жителей призывного возраста под командой ветерана-инвалида занимались шагистикой и разучиванием ружейных приёмов. Боевого оружия в наличии не имелось, кроме учебной винтовки с просверленным во избежание выстрела патронником, и ратники обходились гладко обструганными палками. Трудно верилось, что это клушинское воинство сумеет остановить вооружённого до зубов неприятеля.

Прихрамывая, подошёл Алексей Иванович. Его костистое лицо притемнилось.

– Не берут, чтоб им повылазило! – проговорил в сердцах. – Как сруб сгонять – так Гагарин, а как Отечество защищать – пошёл вон!

– Будет тебе, Алёша, – печально сказала Анна Тимофеевна, – не минует тебя эта война.

– И то правда!.. – вздохнул Гагарин. – Люди сказывают, он к самой Вязме вышел.

– Неужто на него управы нету?

– Будет управа в свой час.

– Когда ж он настанет, этот час?

– Когда народ терпеть утомится...

Незадолго перед окончанием занятий Анна Тимофеевна, гонимая тем же чувством тревоги и печали, пошла к школе. Думала встретить сына по пути, но первый учебный день что-то затянулся. Она оказалась у широких низких школьных окон, когда конопатая девочка из соседней деревни, заикаясь и проглатывая слова, читала стихотворение про Бармалея.

Потом настал черёд толстого, молочного мальчика, похожего на мужичка с ноготок. Он вышел к столу учительницы, аккуратно одёрнул свой серый пиджачок, откашлялся и сказал, что любимого стихотворения у него нет.

– Ну так прочти какое хочешь, – улыбнулась учительница Ксения Герасимовна, – пусть и нелюбимое.

Толстый мальчик снова одёрнул пиджачок, прочистил горло и сказал, что нелюбимого стихотворения тоже прочесть не может: на кой ему было запоминать нелюбимые стихи?

Он вернулся на своё место, ничуть не смущённый хихиканьем класса, и тут же принялся что-то жевать, осторожно добывая пищу из парты. Ксения Герасимовна вызвала Гагарина. Она ещё не договорила фамилию, а Юра выметнулся из-за парты и стремглав – к учительскому столу.

– Моё любимое стихотворение! – объявил он звонко.

Анна Тимофеевна понимала радость и нетерпение сына. Юра любил стихи про лётчиков, самолёты, небо и раз даже выступал в Гжатске на районном смотре самодеятельности и заслужил там книжку Маршака и почётную грамоту. Но он не стал читать стихотворение, принёсшее ему гжатский триумф, и Анне Тимофеевне понравилось, что он не прельстился готовым успехом.

Мой милый товарищ, мой лётчик,
Хочу я с тобой поглядеть,
Как месяц по небу кочует,
Как по лесу бродит медведь.
Давно мне наскучило дома...
Давно мне наскучило дома...
Давно мне наскучило дома...

– Что ты как испорченная пластинка? – прервала учительница. – Давай дальше.

– Давно мне наскучило дома... – сказал Юра каким-то затухающим голосом.

Класс громко рассмеялся. Юра поглядел возмущённо на товарищей, сердито – на учительницу, и тут пронзительно прозвенел звонок – вестник освобождения.

– Ну, хоть тебе и наскучило дома, а придётся идти домой! – улыбнулась Ксения Герасимовна. – Наш первый школьный день окончен.

Ребята захлопали крышками парт.

– Не разбегаться! – остановила их учительница. – Постройтесь в линейку!

– Как это – в линейку, Ксения Герасимовна?

– По росту.

Начинается катавасия. Особенно взволнован Юра. Он мерится с товарищами, проводя ребром ладони от чужого темени к своему виску, лбу, уху и неизменно оказывается выше ростом. Вот чудеса: этот малыш самый высокий в классе! Со скромной гордостью Юра занимает место правофлангового, но отсюда его бесцеремонно теснят другие, рослые ученики, и он оказывается почти в хвосте.

Но и тут не кончились его страдания. Лишь две девочки добродушно согласились считать себя ниже Юры, но, оглянув замыкающих линейку, учительница решительно переставила Юру в самый хвост.

Он стоял закусив губы, весь напрягшись, чтоб не разрыдаться. А во главе линейки невозмутимо высился толстяк, не знавший ни одного стихотворения. Едва учительница про-

изнесла: «По домам!» – как Юра опрометью кинулся из класса и угодил в добрые руки матери. Она всё видела, всё поняла.

– Не горюй, сыночек, ты ещё выше всех вымахашь!..

И как в воду глядела Анна Тимофеевна: выше всех современников вымахал её сын незабываемым апрельским днём 1961 года.

«Жилища богатырей»

Учительница Ксения Герасимовна сказала, что поведёт их на экскурсию. Она ясно сказала «поведёт», но почему-то всем послышалось «повезёт». Наверное, в самом непривычном слове «экскурсия» заложено что-то будящее мысль о дальних землях, незнакомых городах. Стали думать: куда же их повезут? В Смоленск? Там немцы. В Вязьму? Там тоже немцы. В Гжатск? Он эвакуируется. Неужели в Москву?!

Нет, экскурсия предстояла совсем недалёкая – на зады села. Тихая гжатская земля, село Клушино и его окрестности не раз оказывались полем ожесточённых битв русского воинства с иноземными захватчиками. А в глубокой старине русские богатыри стояли тут на страже молодого, зарождающегося государства россов.

Прямо за околицей учительница показала ребятам невысокую округлённую насыпь, по которой едва приметно вился выложенный камнем желобок – след древней дороги.

– Эти насыпи называются «жилища богатырей», – объяснила Ксения Герасимовна. – Кто знает: почему?

Ребята молчали.

– Тут богатыри жили? – сообразил Пузан.

– Не просто жили, а Русскую землю охраняли. И друг с дружкой перекликались. – Учительница вскарабкалась на насыпь и, поднеся ладонь рупором ко рту, закричала: – О-го-го!.. Спокойно ли у вас, други-витязи?.. Не тревожит ли рать вражеская?

Ветер взметнул и растрепал её седые волосы, но она будто не заметила, к чему-то прислушиваясь. И дождалась ответа: из бесконечной дали глухо, но твёрдо прозвучало:

– Нет покоя нам, други-витязи!.. Тучей чёрной ползёт рать вражеская!..

Но, может быть, Юре Гагарину только почудился сумрачный голос далёкого предка?

Ксения Герасимовна сбегала вниз и подвела ребят к могильному кургану за колхозной ригой¹.

– Здесь покоятся русские воины, которые в семнадцатом веке гетману Жолкевскому путь на Москву заступили. Страшная была битва. Воевода Дмитрий Шуйский, царёв брат, чуть не всю рать положил. Но и от воинства гетмана не много уцелело. Жолкевский печал-

¹ Рига – постройка для сушки снопов с местом для обмолота.

лился: «Ещё одна такая победа – и нам конец!» Так оно после и случилось... А вот скажите, ребята, кто ещё через Клушино на Москву шёл?

– Наполеон!.. – враз вскричало несколько учеников.

– Правильно, Наполеон! Вот какое историческое место наше Клушино! – с гордостью сказала учительница.

– Ксения Герасимовна, а Гитлер сюда не придёт? – спросил Пузан.

– С чего ты взял?

– Беженцы говорят, он уже под Гжатском.

– Москвы Гитлеру не видать как своих ушей! – твёрдым голосом сказала Ксения Герасимовна, уклонившись, однако, от прямого ответа...

– Ну а к нам? – настаивал Пузан.

Ответа он не дождался. Из-за леса на низком, почти бреющем полёте стремительно вынесся немецкий самолёт и хлестнул пулемётной очередью.

– Ложись! – закричала Ксения Герасимовна.

Дети распластались на земле, где кто стоял. Им отчётливо видны были пауки свастики на крыльях и чёрные кресты на фюзеляже.

Самолёт пошёл на село. Громко, отгулчиво забили его крупнокалиберные пулемёты.

– «Зажигалки»! – крикнула конопатая девочка Былинкина. – Он кидает «зажигалки»!

Над избами занялось пламя. Столбом повалил чёрный дым.

– Школа горит! – отчаянно крикнул Юра.

Со всех ног ребята кинулись к селу.

– Стойте!.. Куда вы?.. – тщетно взывала Ксения Герасимовна.

Никто её не слушал, и учительница, подобрав юбку, припустила вдогон.

Когда они достигли Клушина, воздушный разбойник, сделав своё чёрное и бессмысленное дело, убрался восвояси. Деревня горела с разных концов. Неподалёку от полыхающего здания школы лежала навзничь, головой в лопухи, молодая женщина.

– Дуня... почтальонша...

То была первая убитая в Клушине, и дети не решались к ней подойти.

Ксения Герасимовна одёрнула на погибшей юбку и прикрыла ей платком лицо.

От конторы подбежали мужики, с ног до головы испачканные глиной, – видать, отлещивались в огороде, – подняли Дуню и унесли.

И тут все услышали плач, прерывистый, взхлёб, похожий на кудахтанье.

На чурбаке у школьного дровяного сарая сидела незнакомая девочка и горько плакала, прижимая кулаки к глазам.

Ребята окружили незнакомку.

– Ты кто такая? – спросила Ксения Герасимовна, присев на корточки.

Рыдания стали громче.

– Откуда ты, девочка?

Ксения Герасимовна сильно и умело отвела маленькие кулаки. Открылась рыжая пестрядь веснушек, на переносье сливающихся в одну сплошную веснушку. И понадобилось время, чтобы высмотреть нос кнопкой, круглые щёки, капризный рот и чёрные заплаканные глаза. Лицо девочки напоминало апельсин, в который на смех всунули два уголька. И дети сразу оценили это маленькое чудо.

– Вот это да-а! – восхитился Пузан. – Она пестрее Людки Былинкиной!

– Сравнил тоже! – подхватил чернявый, как жук, Пека Фрязин. – Людке до неё как до небес!

– Помолчите, ребята! – строго сказала Ксения Герасимовна. – Ты откуда, девочка?

– Мясоедовские мы, – по-взрослому ответила та.

– Как тебя звать?

– Настя.

– А фамилия?

– Жигалина.

– Постой, ты не предколхоза дочь?

– Ага!

– А как здесь очутилась?

– Меня мамка привела. К тётё Дуне жить.

– Дуня вам родная?

– Ага. Она тётё-Валина дочка.

– А где же твои родители?

– Папка в этом... ополчении, а мамка в госпитале.

Ксения Герасимовна чуть помолчала, что-то соображая внутри себя.

– Слезами горю не поможешь, – сказала она решительно. – Пойдём, будешь со мной жить...

Клушинскую школу перевели в колхозное правление. Сюда же переколотили школьную вывеску.

После уроков, когда ребята гуртом выкатились на улицу, Пузан предложил Пеке Фрязину:

– Эй, Жук, давай из новенькой «масло жмать»!

– Лучше из тебя «жмать», жиртрест! – огрызнулась Настя.

Ей бы помолчать: из новеньких всегда «масло жмут», и ничего страшного тут нет. Но её насмешка обозлила Пузана, а строптивость – Пеку Фрязина. И «жмать» её стали с излишним азартом.

– Да ну вас!.. Дураки!.. Пустите!.. – кричала Настя. – Да ну вас, черти паршивые!.. – В голосе её слышались слёзы.

Но её вопли лишь придали прыти «давилщикам»: они разбегались и враз сжимали девочку с боков. Настя захныкала.

И вдруг вместо податливого Настиного тела Пузан встретил чьё-то колючее плечо, ушибся о него рёбрами и отлетел в сторону.

– Ты чего?.. – пробормотал он обиженно, но сдачи не дал, ибо отличался миролюбивым нравом и задевал лишь тех, кто был слабее его.

А с Юркой Гагариным – известно – лучше не связываться. Вот Пека Фрязин попробовал – и распластался на земле. Вскочил, сжал кулаки – и снова запахал носом в грязь. И главное, Юрка не злится вовсе: губы улыбаются, глаза весёлые, блестящие и... опасные. А крепок он, как кленовый корешок. Нет, лучше с ним не связываться. Да и на кой она сдалась, эта конопатая плакса? И Пузан пошёл себе потихоньку прочь, а за ним, ругаясь и грозясь, ретировался отважный Фрязин.

– Не плачь, – сказал Юра девочке. – Они же в шутку.

Настя дёрнула носом раз-другой и успокоилась.

– Какой ты сильный! – сказала она восхищённо. – Здорово дал!

– Да это понарошку, – отмахнулся Юра.

Он глядел на её пёстрое черноглазое лицо, и ему было радостно. Он готов был сразиться за неё не только с робким Пузаном и задирой Фрязиным, а хоть со всем воинством гетмана Жолкевского.

– Слушай, – сказал Юра, не зная, чем одарить это дивное существо. – Ты видела «жилища богатырей»?

– Н-нет, – сказала Настя подозрительно.

– Пошли!..

Юра поделился с Настей всем, что имел: «жилищем богатырей», могильными курганами бесстрашных русских воинов, старым ветряком, где до революции водились ведьмы, заброшенным погостом – там по ночам мерцали зелёные огоньки, остовом сгоревшего самолёта, полузатонувшего в болоте. Настя принимала эти дары с вежливой прохладцей. Как выяснилось, её родное Мясоедово тоже не обойдено и памятниками русской славы, и таинственными огоньками, и всевозможной нежитью, вот только сгоревшего самолёта не было. К тому же её томили иные заботы.

– Пирожка бы сейчас! – сказала Настя мечтательно.

Они сидели на треснувшем, вросшем в землю жёрнове, возле бывшего обиталища ведьм.

– Оголодала? – с улыбкой спросил Юра.

Настя замотала головой.

– Я сытая. Пирожка охота... У нас каждый день пироги пекли. С яйцами, грибами, капустой, рисом, яблоками, вишнями, черникой.

– А ты, видать, балованная! – засмеялся Юра.

– Конечно, – с достоинством подтвердила Настя. – Я моленное дитя.

– Как это – моленное?

– Папка с мамкой никак родить не могли. И бабка покойная меня у Бога вымолила.

– А разве Бог есть? – озадачился Юра.

– Только у старых людей. У молодых его не бывает.

– Жалко! – снова засмеялся Юра. – А то бы мы пирожка намолили!

– Посмейся ещё! – обиделась Настя. – Я с тобой водиться не буду.

– Знаешь, – осенило Юру, – пойдём к нам! Мать вчера тесто ставила. Насчёт пирогов – не знаю, а жамочку² или пышку наверняка ухватим.

– Пышки с вареньем – вот вкуснота! – облизнулось «моленное» дитя.

...Но пока настал черёд сладким пышкам, им пришлось отведать «кисленького». У Гагариных сидела встревоженная и рассерженная Ксения Герасимовна.

² Жамочка (жамка) – круглый пряник.

– Явились не запылились! – приветствовала она появление дружной пары. – Я тут с ума схожу, а им горюшка мало! Куда вы запропалились?

– Да куда, – подёрнул плечом Юра. – Просто гуляли.

– Дышали свежим воздухом, – уточнила Настя.

– Видали! – всплеснула руками Ксения Герасимовна, и её седые волосы взметнулись дыбом от возмущения. – Воздухом они дышали, поганцы!.. – Она повернулась к Анне Тимофеевне, с укоризной поглядывавшей на сына. – Недовольна я вашим парнем, очень недовольна!

– Чего он ещё натворил? – огорчённо спросила Гагарина.

– Ведёт себя кое-как, дерётся, товарищей обижает.

– Сроду никого не обижал, – сумрачно проворчал Юра.

– Вспомни, что было после уроков.

– А зачем они с меня «масло жмали»? – встряла Настя.

– Не «жмали», а «жали», Жигалина, – по учительской привычке поправила Ксения Герасимовна и слегка покраснела. – Прости, Гагарин, я не знала, что ты заступался... Ладно, пошли домой, Настасья!

На столе появился кипящий самовар.

– Может, чайку попьёте, Ксения Герасимовна? – предложила Гагарина. – С горячими пышечками.

– Спасибо, Анна Тимофеевна. Мне ещё гору тетрадок проверять. Бывайте здоровы.

Учительница увела разочарованную Настю, но Юра успел, уже в сенях, вручить своей подруге кулёчек с тёплыми пышками...

Холмик посреди села

В тот день провожали клушинское ополчение. На небольшой площади перед колхозным правлением состоялся митинг. Председатель колхоза сказал ополченцам напутственное слово:

– От века клушинцы бесстрашно ломали горло врагам России. Не посрамит боевой славы нашей земли клушинское народное ополчение! Ждём вас с победой, товарищи!

Ополченцы хрипло сказали «Ура!», повернулись под команду и двинулись в направлении Гжатска, навстречу неприятелю.

Были они в своей обычной крестьянской одежде, в какой выходили на пахоту или уборочную, – в стареньких пиджаках, ватниках, брюках, заправленных в сапоги, кепчонках и фуражках. За плечами каждого висел мешочек – сидор³ – со сменой белья, портянками, полотенцем и мылом. Никакого оружия у них не имелось – ни огнестрельного, ни холодного. Лишь у командира, секретаря партийной организации колхоза, на ремне висела пустая револьверная кобура, заменявшая ему планшет. Может быть, оттого что у ополченцев был такой гражданский вид, никто не голосил, не плакал. Просто не верилось, что этих пожилых мирных и безоружных людей ждёт кровопролитное сражение.

Ополчение вышагнуло за село, одолев заросший бузиной овраг, когда возле строя возник, будто из воздуха родившись, Алексей Иванович Гагарин.

Анна Тимофеевна, принимавшая участие в проводах ополченцев, увидела мужа, хотела броситься за ним, но вдруг раздумала.

К хромоту добровольцу подошёл командир ополчения и что-то сказал ему. Алексей Иванович сделал вид, что не слышит, и продолжал шагать в строю. Командир приблизил ладонь ко рту, бросил какую-то команду, ополченцы прибавили шагу. Гагарин изо всех сил старался не отстать.

Ополчение перевалило через бугор и двинулось чуть не на рысях в ту сторону, где небо обливалось зарницами залпов. Гагарин отстал. Он напрягался во всю мочь, но против рожна не попрёшь: не позволяла калечная нога держать шаг наравне с остальными. Он отставал всё сильнее и сильнее. Потом остановился, грустно и сердито поглядел вслед уходящим, плюнул и повернул назад.

³ Сидор – солдатский вещевой мешок (прост.).

– Так-то!.. – прошептала Анна Тимофеевна и утёрла взмокшее лицо.

Она видела, что Алексей Иванович пошёл задами села, сквозь заросли крапивы, малины и чертополоха, к дому, и, щадя его потерпевшее урон самолюбие, сказала крутившемуся поблизости Юрке:

– Давай к тётке Дарье заглянем: она мне дрожжей обещала.

По пути им попался могильный холмик с деревянной оградой и белым, источенным мохом камнем, на котором не разобрать стёршейся надписи. Холмик был усыпан поздними осенними цветами: астрами, георгинами, золотыми шарами.

Анна Тимофеевна сдержала шаг.

– Видал? Хорошо было – вовсе забросили могилку Ивана Семёныча. Пришло лихо – вспомнили, кто тут советскую власть делал.

– Мамань, его белые убили?

– Мятеж контрики подняли, сразу после Октябрьской революции. Ну, некоторые сельские коммунисты в подполье ушли, а Сушкин Иван Семёныч отказался. «Я, – говорит, – ничего плохого не сделал, зачем мне прятаться?» Чистой, детской души был человек. Прискакали сюда конные, взяли Ивана Семёныча прямо в избе, повели на расстрел, да не довели: насмерть прикладами забили.

Постояли, посмотрели на могилу первого клушинского коммуниста мать с сыном и двинулись дальше.

У сына потом было много всякого в жизни, но этот холмик посреди села не забывался...

Юрина война

– Я не скажу про всех немцев, они всякие бывали, – рассуждала Анна Тимофеевна. – Конечно, нам судить о них трудно. Кабы они у себя дома сидели – один разговор, а то ведь к нам припёрлись, хотя их никто не звал. Поэтому был для нас каждый немец прежде всего оккупант. И нету другого правила в чёрное военное время, кроме одного: «Смерть проклятым оккупантам!» Ну а по мелочам различия между ними, конечно, имелись; были такие, что тихо себя вели, и мы от них глаз не прятали.

А вот на Альберта лишний раз глянуть боялись, чтобы не заметил он нашу нестерпимую к нему ненависть. Война людей раскрывает и в хорошую, и в дурную сторону. Но Альберту, уверена, война не требовалась, чтобы обнаружить всю его гнусную сущность. Он и в мирном расцвете был жирной, поганой, кусачей вошью.

Очень хорошо помню, как Альберт у нас появился. Немцев уже порядком в Клушино напозло, а наш дом чего-то не занимали. Поди, не нравилось, что он с краю стоит. И решила я хлебов напечь, в последний, может, раз. Замесила на ночь тесто, а на рассвете растопила печь – и пошла писать губерния! Спеку колобашку, Зоенька её в бумагу обернёт, а Юрка на терраске под порогом схоронит. Был там у нас тайничок. Только мы управились и печь загасили, прикатывает на «козле» этот Альберт, здоровенный, задастый, румяный, годов тридцати. Сбросил на пол рюкзак, автомат, противогаз, кинул на кровать вшивую шинельку.

Их бин, говорит, фельдфебель Альберт Фозен с Мюнхену. Тут, говорит, ганц гут унд ниht швайнерай. Мол, у вас в избе чисто, никакого свинюшника. И он здесь останется. Осчастливит, можно сказать, нас своим присутствием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.